

Александр УРМАНОВ

профессор кафедры литературы БГПУ

«НА АМУРЕ ВСЁ ВОЗМОЖНО...»

Роман «Амурские волки» как литературный феномен¹

Как известно, заслуживающая серьёзного отношения художественная проза в Приамурье появилась лишь в начале 1900-х годов. Правда, как обычно, в центре читательского внимания оказались отнюдь не самые качественные произведения – не повести Фёдора Чудакова «Из детства Ивана Грязнова» и «Дочь шамана», например. Увы, самой большой популярностью у амурских читателей начала XX века пользовался «коллективный роман из жизни Приамурья» (так гласил подзаголовок) «Амурские волки», в создании которого ключевую роль сыграл скандально известный журналист и издатель А. И. Матюшенский – единоличный автор ещё нескольких подобных произведений на местном материале.

Достоверных биографических сведений о начальном периоде его жизни не очень много. Известно, что Александр Иванович Матюшенский родился 19 октября 1862 года в селе Александров-Гай Саратовской губернии в семье священника. Образование получил в Саратовской духовной семинарии. О. Ф. Федотова, ссылаясь на сведения, почерпнутые ею у дочери Матюшенского от второго брака Ирины Александровны Чельшевой (1913–?), утверждала, что Александр Иванович «по окончании семинарии в 1882 году <...> в том же году поступил в Петербургский университет»², а спустя какое-то время (точная дата биографом не указывается) его «окончил»³, что он – «выпускник Петербургского университета»⁴. А. В. Лосев поставил под сомнение университетское образование Матюшенского: имея таковое, размышлял он, тот вряд ли долгие годы тянул бы тяжкую и неблагодарную лямку простого провинциального репортёра⁵. Похоже, университет-

ский диплом – один из многочисленных мифов, неустанным творцом которых был сам Матюшенский.

Не обошлось без мифологизации ещё одно событие в его жизни – тюремное заключение: «В университете Александр Иванович состоял в студенческом обществе помощи бедным студентам. Однажды он разносил по домам афишки-приглашения на благотворительный концерт, засовывая их в ручки дверей. Следом за ним шёл некий человек и закладывал в эти афишки свои прокламации. Матюшенского арестовали. Доказать свою невиновность он, естественно, не мог и по существующему тогда закону был осуждён на три года тюрьмы (1885 г.)»⁶.

Что называется без вины виноватый... Вызывает ли доверие эта история? Не очень. Но, допустим, мы приняли её на веру (а что остаётся, если никаких документальных подтверждений или надёжных свидетельств нет?). Однако вот незадача: годом позже тот же самый автор, рассказавший со слов дочери Матюшенского трогательную историю безвинного студента, пострадавшего из-за благородного желания помочь бедным товарищам, без всяких объяснений излагает принципиально иную версию случившегося. По ней выходит, что нашего героя привлекли к судебной ответственности не в 1885, а «в 1882 году»⁷, причём не по недоразумению, не из-за каких-то безобидных афишек-приглашений на благотворительный вечер, а «по обвинению в причастности к убийству Александра II»⁸. Такая вот метаморфоза. Теперь перед нами предстаёт не какая-то несчастная жертва судебной ошибки, а подлинный революционер, идейный враг самодержавия, готовый убивать и жертвовать собою ради освобождения страны от оков царизма... Очевидно, этот впечатляющий миф был рождён Александром Ивановичем после 1917 года, когда имидж борца с самодержавием и одновременно его жертвы мог приносить неплохие дивиденды и когда за давностью лет и на расстоянии семи тысяч вёрст от Саратова выяснить подлинные обстоятельства ареста было уже почти невозможно.

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Литературное краеведение: создание фундаментального историко-литературного труда – Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI вв.», проект № 11-04-00087а.

² Федотова О. Ф. Материалы к биографии А. И. Матюшенского // Амурский краевед: Информационный вестник. № 1(10). Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 1995. С. 1–2.

³ Федотова О. Ф. Бестселлер начала века // Амурские волки: Коллективный роман из жизни Приамурья. Благовещенск, 1996. С. 6.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Лосев А. В. Александр Иванович Матюшенский: Poleмические заметки о новоявленном «классике» амурской литературы // Амур: Литературно-художественный альманах. № 6. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. С. 44.

⁶ Федотова О. Ф. Материалы к биографии А. И. Матюшенского... С. 2.

⁷ То есть, выходит, сразу после окончания семинарии? А когда же он успел окончить университет? Впрочем, если арест состоялся и в 1885-м (более правдоподобная дата), вопрос этот тоже остаётся.

⁸ Федотова О. Ф. Бестселлер начала века... С. 6.

Сколько же их было – легенд и мифов, если в них запуталась даже дочь мнимого царевны?! Из всего сказанного выше напрашивается вывод: к свидетельствам Матюшенского следует относиться с большой осторожностью. Тем более что в них много путаницы и невнятицы, не исключено, намеренных.

Да, кстати, где, в какой тюрьме, с кем, как долго – в течение всего ли трёхлетнего срока – он сидел, почему Матюшенский, его дочь и его биографы умалчивают об этом? Почему он позже не поддерживал отношений со своими товарищами по неволе, никогда не рассказывал о них? Впрочем, и про узника царских тюрем Матюшенского тоже почему-то никто из подлинных сидельцев не упоминает в мемуарах. Почему тюремный опыт, если он был, не нашёл отражения в творчестве А. Седого, в его публицистике или воспоминаниях? Тем более странно, что после февраля 1917 года сам факт судебного преследования человека в царское время по политическим основаниям превращался для него в своеобразную охранную грамоту. Матюшенский же, которого, как мы знаем, чуть было не расстреляли в начале 1920-х годов как «контрреволюционера», казалось бы, как никто другой нуждался в такой «грамоте». Однако о своём тюремном прошлом, тем более о причастности к убийству царя, почему-то не заикался... Характерная деталь: А. В. Лосев, изучавший связанные с Матюшенским архивные материалы, о тюремном заключении Александра Ивановича не упоминает даже вскользь.

В середине 1880-х Матюшенский, по его словам, «пошёл в народ», три года провёл в странствиях по Оренбургской губернии и Западной Сибири, «работал как чернорабочий и на крестьянских полях, и в шахтах золотых приисков, и на полотне железной дороги, и на крупчатной мельнице, и на пристанях Волги при нагрузке судов, точил веретена, шил сапоги, строил глинобитные крестьянские избы, учил грамоте крестьянских ребятшек»⁹. В общем, довольно типичная история: в эпоху широкого распространения народнических идей и идеалов на такие, в значительной степени мифологизированные, биографии существовал большой спрос. Удостовериться же, насколько соответствуют реальности эти сведения, практически невозможно, ибо Александр Иванович, упоминая в «Исповеди» о своей извилистой жизненной тропе, как правило, предельно скуп на точные пространственные и временные координаты.

Теперь о фактах, не вызывающих сомнений: в 1891 году Матюшенский женился на дочери саратовского помещика Вере Владимировне Воронцовой, от которой у него было трое детей: дочь Евстолия (1894), сыновья Владимир (1896) и Виктор (1904)¹⁰.

В 90-е он с головой ушёл в журналистику, в качестве репортёра работал в газетах Самары, Екатеринбурга, Ирбита, Одессы, Кишинёва, Владикавказа, Тифлиса, Баку, Москвы... Сами эти перемещения, напоминающие лихорадочные метания, свидетельствуют: отношения Матюшенского – и личные, и особенно профессиональные – с коллегами складывались непросто, нередко пере-

растая в острую неприязнь¹¹, что в конечном итоге приводило к необходимости менять газету или даже место жительства.

В ноябре 1904 года Александр Иванович перебрался в Петербург и почти сразу же стал сотрудником одной из самых известных столичных газет либерального направления «Сын Отечества» (после закрытия, с 7 декабря 1904 года, – «Наши дни»). Невероятный взлёт провинциального журналиста, имевшего весьма сомнительную репутацию в среде газетчиков! Но вскоре произойдёт нечто ещё более удивительное – вчера ещё неизвестный репортёр окажется в эпицентре потрясших страну событий. Накануне ставшего детонатором первой русской революции «кровавого воскресенья» он познакомился и тесно сошёлся со священником Георгием Гапоном, принял участие в деятельности гапоновского «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга». Как утверждал сам Матюшенский в «Исповеди» (напечатана в начале 1906 года за границей, а в 1917-м вышла отдельным изданием в Благовещенске под претенциозным названием «Гапон и мой Антихрист: История моего безумия»), именно он по просьбе Гапона составил петицию царю, с которой 9 января 1905 года десятки тысяч рабочих и членов их семей отправились к Зимнему дворцу и встречены были винтовочными залпами. В той же «Исповеди» он цинично признавался, что писал петицию «в полной уверенности, что она объединит полусознательную массу, поведёт её к царскому дворцу, – и тут, под штыками и пулями <...> эта масса прозреет <...>. Расчёт мой оправдался в точности»¹².

О. Ф. Федотова, опять-таки опираясь на рассказ дочери Александра Ивановича, а также на его довольно путаную «Исповедь», утверждает, что «кровь, пролившаяся на улицах столицы, потрясла Матюшенского», что «в расстреле мирного шествия он видел огромную долю своей вины, безумно мучился всю оставшуюся жизнь...»¹³

Поверить в то, что Матюшенский «безумно мучился» всю оставшуюся жизнь по поводу своего участия в обернувшейся большим кровопролитием провокации, трудно, ибо многие факты его биографии, сама его натура, образ жизни, ставшие достоянием гласности поступки не вяжутся с подобными лирическими сентенциями. Не была ли «Исповедь» попыткой отвести от себя возникшие в обществе подозрения и даже прямые обвинения? Очень на то похоже, ведь, по отзывам многих современников, Матюшенский был человеком в полити-

⁹ Матюшенский А. И. Гапон и мой Антихрист (Повесть моего безумия). Благовещенск: Типография «Благовещенское утро», 1917. С. 35.

¹⁰ Федотова О. Ф. Материалы к биографии А. И. Матюшенского... С. 3.

¹¹ Характерный пример такого рода приводит А. В. Лосев. Он, в частности, цитирует письма раннего Горького, адресованные его невесте (в будущем жене) Е. П. Волжиной, в которых Алексей Максимович всякий раз с большим негодованием отзывался о Матюшенском: «Я пока не решил ещё, писать ли мне в “С(амарскую) г(азету)” – по всей вероятности не буду, ибо не хочу работать рядом с этим болваном, который пишет идиотские “Очерки”» (23–24 мая 1896 г.); «Матюшенский пишет пошло...» (27 мая 1896 г.); «Просто сердце занает, когда возьмёшь её [«Самарскую газету»] в руки – полтора года труда я убил на неё, и во что её обратили! Срам! Матюшенского надо выгнать...» (20 июня 1896 г.). Цит. по: Лосев А. В. Александр Иванович Матюшенский: Полемические заметки о новоявленном «классике» амурской литературы... С. 40, 42.

¹² Матюшенский А. И. Гапон и мой Антихрист... С. 35.

¹³ Федотова О. Ф. Бестселлер начала века... С. 7.

ческом отношении беспринципным, в моральном – нечистоплотным. Вызывает много вопросов та лёгкость, с которой неизвестному провинциальному репортёру удалось попасть в число сотрудников знаменитой столичной газеты и, кроме того, легко войти в доверие к Гапону и его окружению. А чуть позже стать, по сути, главным посредником (и даже «кассиром») между разгромленной организацией Гапона и царским правительством. Многие современники этих событий были уверены, что Матюшенский в событиях января 1905 года сыграл роль тайного осведомителя и провокатора, действовавшего по указке охранного ведомства¹⁴.

Впрочем, Матюшенский и не скрывал своей склонности к провокациям. В той же «Исповеди» он, без ложной скромности именно себя, а не Гапона, провозгласив главным идеологом 9-го января, признался, что заранее знал, чем закончится авантюра, что сознательно принёс невинных людей в жертву ради дискредитации царя и в целом самодержавия: «Я толкал женщин и детей на бойню, чтобы вернее достигнуть намеченной цели. Я думал: избиение взрослых мужчин, может быть, ещё перенесут, простят, но женщин – расстрел матерей с грудными младенцами на руках! Нет, этого не простят, не могут простить. Пусть же идут и они! – говорил я себе. – Пусть они умрут, но с ними вместе умрёт и то заблуждение, которое удерживает Россию в цепях рабства, мук и стенаний. <...> И я решил: пусть лучше раз умрут некоторые, чем жить в вечных и непрерывных страданиях всем. Пусть умрут сотни, хотя бы в числе этих сотен были и младенцы, но зато освободятся от цепей рабства миллионы, десятки миллионов. <...> Идите и умрите, кому суждено»¹⁵.

Когда читаешь такие чудовищные откровения, как говорится, кровь в жилах стынет... Но «исповедующийся» прекрасно осознавал: подавляющую часть насквозь революционизированной в те годы российской либеральной и тем более радикальной общественности такой, мягко выражаясь, сомнительный способ борьбы с опостылевшим самодержавием вряд ли смущал. Нужно учитывать ещё одно важное обстоятельство, помогающее понять причину жутковатой откровенности Матюшенского: похоже, что его людоедские признания отчасти были средством отвлечения внимания публики от ещё одной дьявольской, в глазах современников гораздо более компрометирующей Александра Ивановича истории – тайной финансовой сделки с царским правительством, усугубленной банальным воровством...

Вскоре после «кровавого воскресенья» на страницах газет всплыла скандальная история присвоения Матюшенским весьма крупной по тем временам суммы денег – двадцати трёх тысяч из полученных им тридцати, несколькими порциями выданных под расписку недавнему мелкому репортёру министром торговли и промышленности В. И. Тимирязевым по распоряжению самого председателя правительства С. Ю. Витте! Деньги эти якобы предназначались на нужды разгромленной гапоновской организации, но Матюшенский, припёртый к стенке, оправдывался в «Исповеди», что гапоновцам

де принадлежала лишь малая часть этой суммы – семь тысяч. А остальное, дескать, было выделено царским правительством лично ему (человеку, по его собственному признанию, безусловно разделявшему в то время революционные убеждения) «на организацию пропаганды против революции»¹⁶... Убеждённый революционер, смертельный враг царизма берёт у царского же правительства деньги на масштабную пропаганду против революции!?

Можно ли поверить в то, что члены царского правительства и даже сам премьер столь неразборчивы и не информированы, что могли принимать у себя человека, причастного к убийству царя, сидевшего в тюрьме по политическим статьям, и выдавать ему (мелкому газетному репортёру!) крупные суммы на ведение антиреволюционной пропаганды? Бред какой-то... История совершенно невероятная, тёмная, мутная, показывающая, что роль Матюшенского во всех этих делах была крайне неблагоприятной и весьма и весьма подозрительной. Как же уж тут «безумные мучения»!

У людей, которые лично знали Матюшенского, слова про его «безумные мучения» вызвали бы, наверное, гомерический хохот. Вот, например, как отреагировал на «Исповедь» Матюшенского хорошо знавший его по совместной работе в Самаре в 1895–1896 годах Горький. В письме, написанном в середине июня 1906 года из Нью-Йорка и адресованном А. В. Амфитеатрову – редактору выходившего в Париже журнала «Красное знамя», в котором и была напечатана «Исповедь»¹⁷, Алексей Максимович, в частности, писал: «Матюшенского я знаю, работал вместе с ним в “Самарской газете”. Это – неудачный псаломщик, гнилая душа, длинный и жадный желудок. Такие люди воспринимают жизнь брюхом, и в мозгу у них – всегда есть какая-то воюющая, серая слизь. Эти люди органически чужды правде, и всё для них – зеркало, в котором они видят свои зубы, постоянно голодные. <...> Вы гоните прочь Матюш[енского], а то он напакостит вам»¹⁸.

Упомянем ещё один факт биографии, дающий представление об исповедуемых Александром Ивановичем «высоких» моральных принципах: выпускник духовной семинарии, при живой жене с тремя детьми, младшему из которых не было и двух лет, вступил в гражданский брак с Ниной Васильевной Бурдиной – «акушеркой-массажисткой» из Петербурга. Это произошло в 1906-м.

А в мае 1910 года Матюшенский переехал в далёкий Благовещенск, где, как он полагал, удастся отсидеться до поры в тени. Свою фамилию он первое время не

¹⁶ Матюшенский А. И. Гапон и мой Антихрист... С. 56.

¹⁷ Красное знамя. 1906. № 2. Излияния сподвижника попа Гапона в журнале давались под редакционным заголовком «За кулисами гапоновщины. Исповедь А. И. Матюшенского». Статья сопровождалась редакционным предисловием, в котором Амфитеатров писал: «Прочитав “Исповедь” г. Матюшенского, я пришёл к убеждению, что единственным, сколько-нибудь полезным, хотя и жестоким для него исходом дела может быть широкое оглашение его покаянных строк, столь выразительно живописующих неблагоприятные глубины того общественного обмана, который более года владел умами русских людей в миражах гапоновщины».

¹⁸ Литературное наследство. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М.: Наука, 1988.

¹⁴ Однако прямых, безусловных доказательств такого сотрудничества, если оно и имело место, никто никогда не приводил.

¹⁵ Матюшенский А. И. Гапон и мой Антихрист... С. 35–36.

афишировал, скрывал (а в 1906–1907 гг., до того как его разоблачила полиция Москвы, жил по фальшивому паспорту, выписанному на Бурдина Александра Ивановича, – то есть укрывшись за фамилией своей гражданской жены). «Конспирация» понадобилась потому, что, несмотря на пять прошедших с «кровавого воскресенья» лет, подлинная его фамилия была слишком памятной для российской общественности, слишком густой шлейф скандальных разоблачений тянулся за ней.

В Благовещенске Матюшенский вначале сотрудничал с газетой «Амурский листок», подписывая свои материалы псевдонимами *А. И. Седой*, *А. Иванович*, *Изгой*. Позже он стал издавать (уж не на те ли – прикарманные правительственные двадцать три тысячи?) собственные газеты «откровенно бульварного толка» (А. Лосев) – «Амурский пионер» (1911–1912) и «Благовещенское утро» (1912–1917)¹⁹. Именно на их страницах в 1912 году увидел свет коллективный роман «Амурские волки», принесший Матюшенскому литературную известность и, что немаловажно, определённый доход. В том же году роман был выпущен отдельной книгой, а затем в течение короткого времени дважды переиздан – в 1913 и 1914 гг.

Роман «Амурские волки» весьма объёмен: включает в себя 105 глав! При публикации в газетах «Амурский пионер» (№№ 12–131, февраль–июнь) и «Благовещенское утро» (№№ 1–22, июнь–июль) главы имели подписи псевдонимы: *А. Седой*, *Фантом*, *Монгол*, *Юлия Михай*, *Кэтти*, *Крапива*, *Коляда*, *Н. Тульчин*... По мнению известного амурского учёного-краеведа Г. С. Новикова-Даурского (1881–1962), авторство «Амурских волков» принадлежало нескольким сотрудникам благовещенских газет, в том числе Н. З. Перминову (в будущем, в 1918–1920 гг., – городской голова) и К. К. Куртееву, а роль Матюшенского сводилась, в основном, к редактированию текста. Никаких аргументов в пользу столь оригинальной версии краевед не привёл, уже одно это даёт основание поставить её под сомнение.

Совершенно очевидно, что авторов произведения следует искать среди сотрудников газет «Амурский пионер» и «Благовещенское утро», на страницах которых и печатались «Амурские волки». В связи с этим по меньшей мере странным выглядит в предлагаемом Новиковым-Даурским перечне возможных авторов имя Константина Константиновича Куртеева (1853–1918) – известного в Благовещенске журналиста. Дело в том, что «Амурские волки», как уже отмечалось, создавались и печатались в 1912 году, а К. К. Куртеев в это время был редактором газеты «Благовещенск», издававшейся на деньги купцов-молокан, что почти наверняка исключает его из числа претендентов на авторство – по причинам и физическим, и мировоззренческим. Да и близких отношений с Матюшенским у него никогда не было. К тому же нам известны псевдонимы, под которыми он публиковал свои материалы в благовещенских газетах. Ни один из них (*Курт*, *Кур*) не встречается под главами «Амурских волков».

Кроме того, совершенно неправдоподобным выглядит утверждение Новикова-Даурского, что главный

претендент на роль автора «коллективного романа» Матюшенский ограничивался якобы лишь ролью редактора написанных другими журналистами глав. Это опровергается и тем, что под подавляющим большинством глав стоит псевдоним *А. Седой*, которым Матюшенский подписывал многие другие свои статьи и произведения, в том числе романы «Фальшивые сторублёвки» и «Взаимный банк»²⁰, а также книгу очерков «Благовещенские силуэты». Первые две книги, кстати, имеют почти такой же подзаголовок, что и «Амурские волки», – «роман из местной жизни», а это тоже является косвенным свидетельством того, что в создании «коллективного романа» Матюшенский играл роль не только редактора, но и основного автора. Да и по стилю и содержанию названные произведения «из местной жизни» очень близки «Амурским волкам». Ещё одно важное обстоятельство: псевдоним *Фантом*, который стоит под несколькими главами «коллективного романа», также принадлежит Матюшенскому. Под ним он напечатал книжку «Как я сделался богатым». Псевдонимом *Монгол* Матюшенский подписывал некоторые свои материалы в газетах «Амурский пионер» и «Благовещенское утро». Оба эти псевдонима – *Фантом* и *Монгол* – использовались Матюшенским и до приезда в Благовещенск.

Как предположил А. В. Лосев, помимо Матюшенского, написавшего львиную долю глав «коллективного романа», в создании произведения приняли участие Н. В. Колодезников и Е. А. Михайлова, сотрудничавшие с газетами, которые издавал А. Седой.

Что сегодня известно об этих претендентах на авторство «Амурских волков»?

Колодезников Николай Васильевич – до ноября 1910 года сотрудник газеты «Амурский листок», из которой он вынужден был уйти из-за обвинений, что в хроникёрских заметках систематически искажал истину. В 1910–1911 гг. Колодезников трудился в газете «Волна», а в 1912-м, когда в «Амурском пионере» и затем в «Благовещенском утре» печатался роман «Амурские волки», он сотрудничал именно с газетами Матюшенского. Псевдоним *Коляда*, который стоит под несколькими главами «коллективного романа», – это псевдоним именно Колодезникова, им он подписывал и некоторые другие свои материалы.

Михайлова Екатерина Афанасьевна – из мещан Благовещенска, по основной профессии учительница. В 1908–1910 гг. печаталась в «Амурском крае», а 1911–1912 – в газетах «Амурский пионер» и «Благовещенское утро»: стихи обычно за подписью *Михай* или *Юлия Михай*, а прозаические опыты, очерки – под именем *Крапива*, *Кэтти*. Нелишне напомнить, что псевдонимами *Крапива*, *Кэтти* и *Юлия Михай* подписаны некоторые из глав газетной версии «Амурских волков».

Таким образом, можно констатировать, что если и не все, то, по крайней мере, большая часть авторов «коллективного романа» нам известна. Это были (за исключением Матюшенского) обычные провинциальные

¹⁹ Кстати, официальным редактором-издателем газеты «Амурский пионер» числилась гражданская жена Александра Ивановича – факт, заставляющий ещё в большей степени усомниться в чистоте финансовой подоплёки предприятия.

²⁰ *Седой А. (Матюшенский А. И.) Фальшивые сторублёвки: Роман из местной жизни. Благовещенск: Изд-во газеты «Благовещенское утро», 1913; Седой А. (Матюшенский А. И.) Взаимный банк: Роман из местной жизни. Ч. 1. Благовещенск: Изд-во газеты «Благовещенское утро», 1916.*

журналисты, известность которых не простиралась дальше Благовещенска.

В советское время «коллективный роман» в полном объёме не переиздавался. Лишь в альманахе «Приамурье» в 1956 году были опубликованы несколько глав из него с кратким предисловием Г. С. Новикова-Даурского – в то время научного сотрудника Амурского областного краеведческого музея²¹. По всей видимости, именно по его инициативе «Приамурье» и взялось за перепечатку избранных глав скандального произведения. По какому источнику: газетному или книжному – неизвестно. Скорее всего, по книжному (об этом можно судить хотя бы по отсутствию псевдонимов под главами); остаётся выяснить, где он был найден, почему не сохранился в фондах краеведческого музея или же в личном архиве Новикова-Даурского. Стоит напомнить, что на данный момент в Амурской области не зафиксировано ни единого экземпляра этой книги (имеются в виду отдельные издания 1912–1914 годов).

Автор предисловия признаёт, что роман не отличается высоким художественным уровнем. Ценность «Амурских волков», по мнению Новикова-Даурского, состояла в другом – в том, что они «довольно правдиво показывают мораль и нравы дальневосточной буржуазии начала XX века, разоблачают звериную сущность известных амурских воротил <...>, наживших громадные капиталы путём обмана, воровства и кровавых преступлений»²².

Понятно, что этот вывод не вытекал из реальных сведений, основанных на документах, свидетельских показаниях, неоспоримых фактах, судебных решениях, а во многом был продиктован политической конъюнктурой, сложившейся в советское время исторической мифологией, общим отношением к свергнутым в октябре 1917 года эксплуататорским классам. То есть перед нами типичный образец пресловутого классового подхода к историческим и художественным явлениям. Остаётся вопрос, была ли позиция Новикова-Даурского вынужденной или же она полностью отвечала его убеждениям? В любом случае, подобный взгляд на роман «Амурские волки» не отражал подлинного его объёмного содержания, не выражал сути воплощённой в нём концепции русской действительности предреволюционного времени и представлений авторского коллектива о сущности человеческой природы. Возможно, такой уводящий от истины, но идеологически выверенный комментарий учёному-краеведу пришлось составить, чтобы провести в печать хотя бы отдельные главы произведения, в начале XX века вызвавшего большой резонанс в провинциальном Благовещенске. Кстати, в связи с этим можно сделать ещё одно предположение: возможно, версия Григория Степановича о том, что Матюшенский лишь редактировал написанный другими авторами роман, – нехитрый приём, позво-

²¹ Амурские волки: Главы из романа // Приамурье: Литературно-художественный и общественно-политический альманах. № 5. Благовещенск, 1956. С. 120–136. В подборку вошли шесть глав: «Контрабандисты», «Неожиданная встреча и разочарование», «Ранний гость», «На различных ступенях», «Волчье совещание», «Волк на волка», то есть с первой по третью, а также пятая, восьмая и десятая. В конце подборки редакция «Приамурья» обещала читателям «Продолжение в следующем номере», но обещание не выполнила. О причинах остаётся лишь гадать.

²² Там же. С. 120.

ляющий редакторам альманаха «Приамурье» избежать обвинений в публикации произведения, ведущую роль в создании которого сыграл соратник демонизированного в советское время попа Гапона, а в послереволюционное время – «контрреволюционер», «белоземитрант», в 1923 году сбежавший из Советской России в Харбин.

Доподлинно неизвестно, чем руководствовался Новиков-Даурский, составляя предисловие, но результат очевиден: вольно или невольно краевед дал искажённую картину, представив авторов «коллективного романа» как принципиальных противников буржуазного строя, как бесстрашных обличителей язв капитализма, то есть чуть ли не как идейных союзников большевиков.

Удивительное дело: буквально до наших дней эта односторонняя, крайне узкая точка зрения, лишь в малой степени соответствующая реальному содержанию книги, практически не подвергалась сомнению. Её на разные лады повторяли амурские журналисты, так или иначе касавшиеся личности и творчества Матюшенского (в том числе А. А. Воронков), в первоизданном виде её воспроизводит Ольга Федотова в трёх статьях о Матюшенском²³. А. В. Лосев тоже писал, что роман «построен на сенсационных “разоблачениях” местных буржуазных воротил (в романе они выступают под несколько изменёнными фамилиями), наживавших громадные состояния на спекуляции золотом, на грабежах и убийствах»²⁴. Нужно ли говорить, что никакой доказательной базы под этими утверждениями нет, никаких ссылок на исторические источники, документы или хотя бы газетные публикации-разоблачения нет и в помине. Не было и доказательств, что цель и смысл *коллективного романа* – именно разоблачение буржуазных дельцов Приамурья.

Ещё одно важное обстоятельство: ни у Новикова-Даурского, ни у Федотовой нет и намёка на анализ произведения, нет не только развёрнутой его характеристики, но даже и просто обращения к содержанию, проблематике, сюжету, сценам, образам, вообще к тексту книги. Нет даже ни одной прямой или косвенной цитаты! С момента создания «коллективного романа» и вплоть до сегодняшнего дня не было сделано ни единой попытки критически прочесть его, прокомментировать, попытаться понять его внутреннюю логику и специфику, социально-политические и эстетические причины его появления, не было попыток поставить его в тот или иной типологический ряд, попытаться соотнести с общероссийскими явлениями подобного рода. Кому это было по силам?

Безусловно, А. В. Лосеву, работавшему в 1990-е годы над большим очерком о Матюшенском²⁵. Но, к

²³ Материалы к биографии А. И. Матюшенского // Амурский краевед: Информационный вестник. № 1 (10). Благовещенск: Амурской областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 1995. С. 1–7; Матюшенский: Бандит пера или гуманист? // Благовещенск. 1996. № 37 (346). 13 сентября; Бестселлер начала века // Амурские волки: Коллективный роман из жизни Приамурья. Благовещенск, 1996. С. 5–13.

²⁴ Лосев А. Приамурье в художественной литературе: Аннотированный указатель. Благовещенск: Амурское книжное изд-во, 1963. С. 20.

²⁵ Лосев А. В. Александр Иванович Матюшенский: Полемические заметки о новоявленном «классике» амурской литературы / Публикация и комментарий А. В. Урманова // Амур: Литературно-художественный альманах. № 6. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. С. 39–60.

сожалению, в этой своей незаконченной работе он почти не касается произведения, в создании которого главную роль сыграл А. Седой. И это коллективное произведение, и авторские романы Матюшенского-Седого «Фальшивые сторублёвки» и «Взаимный банк», в которых тоже изображаются местные амурские дельцы, занимающиеся всякого рода тёмными махинациями, А. В. Лосев назвал яркими образцами «низкопробной бульварщины», «бульварным чтивом». Что касается романа «Амурские волки», основатель литературного краеведения Приамурья заметил, что скандальные разоблачения в нём имеют спекулятивный, сугубо коммерческий характер и продиктованы не благородным желанием вскрыть общественные язвы, показать подлинную, скрываемую властью правду, а банальным стремлением «привлечь к роману внимание мещанско-обывательской публики», «в конечном счёте, для увеличения числа подписчиков газеты»²⁶.

Что касается оценок романа «Амурские волки» О. Ф. Федотовой, то следует напомнить, что они были сделаны в «лихие 90-е», которые пробудили у части читателей ажиотажный интерес к подобного рода литературным явлениям. Эту издательскую конъюнктуру в начале 90-х почувствовала газета «Благовещенск», начавшая републикацию на своих страницах произведений Матюшенского, подаваемых как литературная сенсация. Тогда же редакция «Благовещенска» предприняла попытку перепечатать роман в газетном варианте, однако в городе не удалось отыскать ни одного экземпляра книги, вышедшей, как мы помним, тремя изданиями. Её нашли лишь в Российской государственной библиотеке (бывшая Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина)²⁷. По запросу дирекции Амурского областного краеведческого музея отсюда была прислана копия-микрофильм романа. Перепечатка «Амурских волков» в «Благовещенске» началась в январе 1991-го и растянулась почти на весь год.

Читательский интерес к произведению был настолько велик, что появилась мысль выпустить «коллективный роман» отдельным изданием. Нашлись и спонсоры недешёвого издательского проекта – благовещенские предприниматели Э. В. Лисогор и В. А. Золотарёв.

«Амурские волки», иллюстрированные художником Юрием Наконечным, были переизданы в 1996 году десятитысячным тиражом²⁸. «Коллективный роман» предваряла вступительная статья Ольги Федотовой. Подготовленная к печати в Благовещенске книга печаталась в Новосибирске, в типографии издательства «Советская Сибирь». С реализацией проблем не было: роман разошёлся за три месяца, и сейчас он – библиографическая редкость.

Статьи О. Федотовой призваны были вернуть и имя Матюшенского, и его произведения в активный обиход,

обосновать общественный и культурный интерес к данному явлению. Об объективной оценке тогда речи не шло. О. Федотова попыталась реабилитировать Матюшенского не только как литератора, но и как личность. Она охарактеризовала его как человека «с обострённым чувством совести, душа которого остро реагирует на боль и страдания других людей»²⁹, писала, что он будто бы имел «благороднейшую цель – утверждение общества добра и справедливости для всего народа», руководствовался «в своих действиях единственно законами нравственности» и т. п.

Можно ли было столь высокие оценки давать человеку с весьма и весьма сомнительной репутацией, который был замешан во множестве скандальных, морально нечистоплотных историй? Точно так же кажутся неубедительными оценки Матюшенского как «незаядлого журналиста и литератора», у которого был «великолепный слог»³⁰. Где же и в чём это проявилось? В непереносимо скучных книжках «От воровства к анархизму» и «Половой рынок и половые отношения», в которых, по мнению О. Федотовой, будто бы «максимально выразились его душа, его боль»?³¹ Или же в «бестселлере начала века» – романе «Амурские волки»? Правда, в последнем случае автор столь возвышенных определений оправдывает Матюшенского тем, что в низком художественном уровне романа виноваты будто бы не А. Седой сотоварищи, а «публика», которой якобы «в то время нужны были именно “Амурские волки”»³², – то есть низкопробная бульварная беллетристика.

Да, пожалуй, в этом О. Федотова права: какая-то, и немалая, часть публики, действительно, нуждалась в таком «искусстве». Подтверждение тому – успех спектакля по роману «Амурские волки», поставленного в марте 1914 года на сцене Благовещенского театра антрепренёром А. М. Долиным. Постановка эта стала главной сенсацией театрального сезона. Из-за беспрецедентного для Благовещенска наплыва зрителей, помимо двух премьерных спектаклей, пьесу показали ещё трижды. Как свидетельствуют газеты того времени, в театр валом валил народ – контрабандисты, сутенёры, проститутки и, что особенно удивительно, купцы-молокане.

Этот интерес читателей и зрителей к роману «Амурские волки» и его сценической версии нуждается в объяснении.

О. Федотова права и в том, что «роман “Амурские волки” следует воспринимать прежде всего как литературный факт, как один из моментов нашей культурной истории, без которой <...> нельзя понять настоящее и предвидеть будущее»³³.

Правда, её собственное истолкование произведения не только не приблизило нас к этой цели ни на шаг, но и, скорее всего, увело от неё в сторону.

Тем не менее статьи Федотовой так или иначе способствовали осознанию необходимости полномасштабного, целостного исследования романа «Амурские волки» как общественного и социокультурного феномена, весьма и весьма органичного для ситуации кануна первой мировой войны и двух революций, в результате кото-

²⁶ Лосев А. Приамурье в художественной литературе: Аннотированный указатель. Благовещенск: Амурское книжное изд-во, 1963. С. 20.

²⁷ Так утверждал А. Каминский – в 1996–1998 гг. главный редактор газеты «Благовещенск». По другой версии, книгу нашли в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург).

²⁸ Амурские волки: Коллективный роман из жизни Приамурья. Благовещенск, 1996. 448 с.

²⁹ Федотова О. Ф. Бестселлер начала века... С. 8.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 10.

³² Там же.

³³ Там же. С. 13.

рых русская цивилизация претерпела серьёзные деформации. Очевидно, что только объективный анализ произведения поможет глубже понять причины разрушительных исторических катаклизмов, сотрясавших Россию и в 1910-е, и в 1990-е годы.

* * *

Чем же может быть интересен пресловутый «коллективный роман» современному читателю, не являющемуся любителем «низкопробной бульварной беллетристики», тем более вековой давности? А то, что это образчик так называемого *бульварного* романа, как будто бы не вызывает сомнений: «Амурские волки» содержат полный набор свойств и штампов этого специфического жанра массовой литературы. Герои произведения, как и полагается в подобных случаях, — обитатели городского «дна», контрабандисты, старатели, бандиты (в том числе этнические — хунхузы), воры, блудницы, разбогатевшие на мошенничестве купцы, продажные чиновники. Места действия — соответствующие: тюремные камеры, притоны, «весёлые» дома, игорные заведения, жилища новоявленных богачей. Что касается сюжетных событий, то и здесь — соответствие канону: хроника городских криминальных происшествий, финансовые и имущественные аферы, грабежи, убийства, захватывающие погони, кипение любовных страстей, сводничество, коварные интриги. Да и создавался «коллективный роман» в расчёте на вполне определённую категорию читателей — потребителей третьесортной беллетристики, жаждущих не прикосновения к подлинному искусству, не приобщения к бытийной и экзистенциальной проблематике, а банальных развлечений, дешёвых сенсаций, скандальных историй.

Однако «Амурские волки» — больше, чем бульварный роман. На книгу можно посмотреть и как на зеркало, отразившее, пусть и в искривлённом и утрированном виде, то, что реально происходило в начале XX столетия в Приамурье. Почти все её сюжетные линии и ответвления основываются на подлинных событиях. Это и ограбление транспорта, перевозившего золото с Ниманских приисков, и громкие убийства, и обстрел Благовещенска, русско-китайский вооружённый конфликт 1900 года, и последующее разграбление имущества изгнанных на правый берег Амура или утонувших при переправе китайцев, и массовые волнения периода первой русской революции, и скандальные истории поджога пароходов, магазинов и домов их же владельцами — ради получения страховых выплат, и многое другое. Подавляющее большинство этих историй освещалось в прессе, в том числе в газете «Амурский край» (1899–1910), представленной в романе под пародийным названием «Пропавший край».

Подход к роману «Амурские волки» как к источнику сведений о жизни Приамурья вольно или невольно был задан, запрограммирован идеологом и вдохновителем издательского проекта. Уместно вспомнить, что возглавляемый и направляемый Матюшенским авторский коллектив — не писатели, не художники слова в привычном смысле, а газетные репортёры, журналисты-подёнщики. То есть люди, профессиональные навыки которых состояли не в литературном творчестве как таковом, не в создании условного художественного мира и вымышленных персонажей, а в оперативном отражении вызывающих общественный интерес фактов и явлений повседневной действительности — того, что они видели собственными глазами, что слышали от очевидцев, узнавали от свидетелей или соб-

ственных информаторов. Эти люди по роду своей деятельности выработывали, вынуждены были выработывать профессиональное умение найти, обнаружить в потоке будничной жизни незаурядные явления и тенденции, даже если они ещё слабо проявлены, ярко, броско подать их, по возможности превратить в сенсацию, то есть в товар, пользующийся повышенным спросом на провинциальном газетном рынке. Не секрет, на рынке этом запросы основной массы потребителей были непритязательными, что, в свою очередь, заставляло газетчиков, оправдывая ожидания своих читателей, переходить на их язык, пользоваться непроверенными слухами, откровенными сплетнями. Хотя, разумеется, существовали и серьёзные сдерживающие факторы: цензурные запреты, судебные преследования, административные взыскания.

Взявшись за создание романа — то есть, по большому счёту, не за своё дело, авторы «Амурских волков» избрали самый простой и естественный для них путь: подилетантски копируя, имитируя жанровые и языковые клише отчасти мелодрамы, отчасти детектива, отчасти уголовно-авантюрного романа, выстраивая разветвлённую сюжетную интригу, в центре которой — ограбление транспорта с крупной партией приискового золота, они заполняли непривычную для них жанровую форму привычным содержанием — тем, что было под рукой, чем они профессионально владели. Используемый фактический материал был накоплен ими за годы работы в провинциальных редакциях — своеобразных информационных центрах, куда стекались все более-менее значимые сведения о жизни Благовещенска и в целом Приамурья. В ту пору, о которой идёт речь, провинциальные газетчики были едва ли не самой информированной частью просвещённого сообщества. И репортёры, и редакторы такого рода изданий были в курсе всех местных новостей, особенно криминальных, досконально знали, что происходило в городе и крае, знали всех заметных представителей основных групп населения, всех публичных деятелей. Им были известны не только парадные стороны жизни, но и её изнанка. Они были осведомлены о нравах, царящих на разных уровнях провинциального социума, включая «дно». Они и сами были частью мира, о котором рассказывали. Постоянная борьба за подписчика, конкуренция с другими периодическими изданиями, работающими в том же самом замкнутом пространстве, — всё это вынуждало редакции существующих на коммерческой основе периодических изданий превращаться в подобие информационно-аналитических отделов спецслужб. С той лишь разницей, что добытую информацию они не скрывали, не прятали, а, напротив, делали достоянием гласности, привлекали к ней всеобщее внимание, превращали её в сенсацию.

Большая часть описываемых в романе событий, персонажей, совершаемых ими поступков не является плодом чистого вымысла, проявлением буйной, ничем не ограниченной фантазии авторов. Материал для «Амурских волков», в основном, черпался из того же самого информационного потока, который питал газетные публикации. Правда, у авторов романа были в большей степени развязаны руки: они могли, почти без оглядки на возможные судебные иски и административные меры, основываться не только на достоверной информации, но и на слухах, предположениях, в том числе фантастических. Теперь со спокойной совестью они могли и домысливать, придумывать. Не было у них и необходимости строго выдерживать хронологию, воссоздавать события в их подлинной

исторической последовательности. Заменяя настоящие имена прототипов вымышленными – либо легко узнаваемыми (так, купцы Алексеевы предстали в романе как Алёхины, Косицыны – как Покосовы, Семеров – как Семёркин), либо откровенно фельетонными (Искарнотова, Хулиганов, Подхалимов, Трутнев), авторы юридически обезопасили себя от обвинений в клевете, в покушении на честь и деловую репутацию известных в городе и крае людей. И в то же время сделали всё возможное, чтобы по деталям современники легко догадывались, кто имеется в виду. Интерес к «Амурским волкам» во многом был вызван тем, что в романе искали (и находили) подтверждение слухам, в том числе самым невероятным, о реальных лицах и подоплёке реальных же событий. Произведение воспринималось частью читателей как «срывание всех и всяческих масок» с действительности, как обнажение подлинной, неприглядной, и потому замалчиваемой, скрываемой властью, правды жизни.

Впрочем, и сегодня некоторые из читателей убеждены, что роман правдиво изображает амурскую действительность начала двадцатого века. Вот, например, мнение известного историка: «Большой популярностью у читателей пользовались романы “из местной жизни”: “Амурские волки”, “Фальшивые сторублёвки”, “Взаимный банк”... Все они очень хорошо передавали колорит и нравы тогдашнего Благовещенска»³⁴. А вот запись, сделанная 4 ноября 2010 года одним из посетителей местных интернет-форумов: «Недавно, наконец, прочёл “Амурские волки”. Авантюрный роман, написанный сто лет назад в Благовещенске и про Благовещенск. Его называют бульварным чтением, но мне он показался весьма социальным. Штиль, конечно, устаревший, но на фоне того, как писали сто лет назад, – весьма и весьма. Конечно, главное от чего я пёрся, это осознание факта, что всё, что описывается в романе, происходило здесь, на этих самых улицах, в домах, которые ещё стоят у нас в городе до сих пор. Жаль, в книге мало ссылок на конкретные названия». Как видим, читатель не сомневается: «всё, что описывается в романе», было на самом деле. Убеждает современных читателей в достоверности содержания книги 1912 года и то, что подобное они наблюдают вокруг себя. Вот одна характерная реплика из амурской блогосферы, датированная 20 мая 2010 года: «А вы почитайте роман “Амурские волки” о начале 19-го (ошибка, надо – 20-го. – А. У.) века в Благовещенске. Странным образом события напоминают нынешний передел власти».

Однако «Амурские волки» дают представление не только о социальной жизни Приамурья начала двадцатого столетия, но и о сознании тогдашних людей. Произведение показывает, чем, какими интересами и заботами они жили, к чему стремились, что обсуждали, как воспринимали окружающий мир и своих современников.

Авторы коллективного романа, в своей основной работе ориентировавшиеся на вкусовые предпочтения, информационные и эстетические запросы провинциальной читающей публики, во многом походили на неё. Так что не случайно в первой части статьи столь подробно рассказывалось о биографии и личности Матюшенского: ведущий автор «Амурских волков» вполне мог стать и од-

ним из прототипов романа, в котором действуют разного рода авантюристы. По крайней мере, для человека с таким жизненным багажом, как у него, вряд ли могла быть тайной за семью печатями психология подобных героев.

Соавторы А. Седого (а отчасти и он сам) – люди с обыденным типом сознания, в каком-то смысле обычные городские обыватели, с не очень широким культурным кругозором, не получившие систематического образования, видевшие и понимавшие жизнь во многом примерно так же, как большинство подписчиков газет, в которых они печатались. Жизненные ценности и эстетические вкусы тех и других были близки, а потому повороты сюжета, характеры и взаимоотношения героев, их внутренний мир, их речь они выстраивали в соответствии со своим жизненным и профессиональным опытом, со своими представлениями о том, как на самом деле устроены российская действительность и русский человек.

Таким образом, прочтение романа под определённым углом зрения может помочь реконструировать сознание, систему ценностей весьма распространённой категории читателей предреволюционной эпохи. Речь не об интеллектуальной и культурной элите российского общества, не о той сравнительно узкой и замкнутой части социума, которая ментально ощущала себя в координатах культуры Серебряного века, которая впитывала идеи русской классики и религиозной философии начала столетия. И не о составляющем большинство населения тогдашней России крестьянстве, жившем заботами о хлебе насущном, тесно связанном с землёй, с естественным, природным течением бытия. В данном случае имеется в виду самый мощный, срединный слой городского, так называемого «просвещённого общества». В основном, его составляли провинциальные чиновники, выборные и служащие органов и учреждений местного самоуправления, служащие частных компаний, провинциальные газетчики, часть имеющего весьма специфические культурные запросы мещанства, мелкая и средняя буржуазия и т. д.

Именно поэтому важно сконцентрировать внимание не на жанровых особенностях произведения, не на его поэтике (всё это в силу заурядности книги не представляет особого интереса), не на бесчисленных художественных недостатках, а на мировоззрении, мироощущении героев – представителей того самого многослойного общественно-го конгломерата, о котором говорилось чуть выше.

Вопреки утвердившемуся ещё в советское время мнению, идейный смысл романа не сводится к обличению «морали и нравов дальневосточной буржуазии», к выявлению «звериной сущности» «местных буржуазных воротил», наживающихся на спекуляции, грабежах и убийствах. Хотя и эти стороны действительности получили впечатляющее отражение в «Амурских волках». Однако мораль и нравы буржуазных дельцов в романе ничем не отличаются от морали и нравов представителей иных групп населения.

Да, инициатор ограбления транспорта с двадцатью пудами золота купец Василий Александрович Алёхин, один из самых богатых людей города, не останавливается «перед любым преступлением, перед любым мошенничеством»³⁵. Этот человек «с тупым лоснящимся лицом» двадцать лет назад, когда он ещё был Алёхой Тимохиным, из-за

³⁴ Шиндялов Н. А. История Благовещенска. 1856–1907. Очерки, документы, материалы. Благовещенск: ОАО «Амурская ярмарка», 2006. (Серия «Благовещенск. Из века в век»).

³⁵ Амурские волки: Коллективный роман из жизни Приамурья. Благовещенск, 1996. С. 270. Далее произведение цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

золота «товарищей своих прикончил и стал богат» (40). В главе «Волчья совесть» его сотоварищ по уголовному прошлому вспоминает, как в молодости Тимохин «отблагодарил» женщину, которая из сострадания дала ему, голодному и преследуемому беглецу, кров и чистое бельё, накормила, напоила, обласкала: «Хозяйка лежала на полу с раскроенным черепом... Пол залит кровью с мозгами» (47). Он и сейчас способен ради наживы погубить доверившегося человека, хотя нынешний статус вынуждает его осторожничать, совершать злодеяния преимущественно чужими руками.

Но примерно так же, как Алёхин, действуют и другие персонажи, представляющие разные сословные группы, но одинаково легко нарушающие заповедь «не убий». И речь не только об уголовниках, беглых каторжниках, хунхузах. Поселяне во время охоты на медведя беспричинно убивают случайно встретившегося им бродягу (глава 30 «В тайге»), содержатели публичных домов – своих клиентов, вернувшихся с приисков старателей (глава 39 «Открытие “весёлых домов”»). Состоятельный молоканин Хулиганов из-за опасений разоблачения ударом тяжёлого табурета по голове лишает жизни своего родителя (глава 49 «Отца надо устранить»). Местные чиновники во время трагических событий лета 1900 года обрекают на смерть сотни или даже тысячи китайцев, заставляя их вплавь добираться до правого берега пограничной реки (глава 51 «За Амур или в Амур?»). Доктор Марков, вопреки нормам морали, вопреки божьим и человеческим законам, убивает ещё не родившихся младенцев (глава 62 «Прекрасный был бы ребёнок»).

А самые чудовищные зверства, жертвами которых становятся, в том числе, дети, совершает банда Антонины Искарриотовой – известной в городе женщины, героини событий русско-китайской войны (главы 45 «Таинственное убийство» и 46 «Город взволнован. Ещё убийство»). Яркая, умная, хладнокровная Искарриотова была центром кружка «жуирующих людей и царила в нём, распорядясь и сердцами, и кошельками» (212). А тёмными ночами она тайно приходила к полицейскому чину Звонарёву и подолгу беседовала с ним. О чём – становится понятно, когда однажды ранним утром Искарриотова со спутниками, одетыми под кавказцев, подъехала к дому купца, у которого, по её сведениям, должно было быть на руках двадцать тысяч рублей. После того как она отравила собак, а спутники фомкой сняли дверь с петель, Антонина вошла в дом и стала хладнокровно расстреливать из револьвера всех, кто ей попался: в прихожей хозяина, в спальне пожилую женщину, прячущегося за неё «хорошенького мальчика лет четырёх», затем крепкого молодого человека, который выскочил с топором в руке, шестнадцатилетнюю девушку, далее девочку лет шести, юношу лет шестнадцати со столовым ножом в руке, здорового мужчину с поленом в руке, видимо кучера или истопника... Вместо денег, правда, убийцы нашли расписку, в которой говорилось, что хозяин дома накануне внёс в банк те самые двадцать тысяч, из-за которых была устроена страшная резня.

Зверские убийство взволновали город, но Звонарёв так вёл следствие, так умело направлял общественное мнение, что все стали думать на кавказцев. А вскоре произошло ещё одно жестокое преступление: «Вырезана семья кассира городской управы. Разбойники и тут действовали дерзко и зверски жестоко. Вместе с другими зарезан был и ребёнок лет пяти» (219). И всё это – ради контрабандного золота, хранившегося у хозяина.

Такая вот амурская Кущёвка столетней давности... В то, что такое могло произойти на самом деле, поверить трудно, почти невозможно. Однако сомневаться не приходится: авторы «Амурских волков» описали не вымышленные, а подлинные случаи.

Двигатель всех совершаемых в «коллективном романе» преступлений – корысть, алчность, неутолимая жажда наживы. Золота, денег вожделеют все: убийцы и грабители, тюремщики и тюремные сидельцы, «святые старцы» и рядовые члены молоканской общины, таможенники и контрабандисты, крупные купцы и мелкие торговцы, чиновники всех рангов, судьи, дознаватели, полицейские... Ради наживы многие из них готовы пойти на преступление. Хотя, наверное, называть их «преступниками» не вполне правильно. Они в большинстве случаев даже не осознают, что что-то *преступают*. Преступать – значит что-то преодолевать в себе, хотя бы страх – перед законом или Богом, подавлять жалость к другому человеку или же безразличность, отвращение к собственному поступку, задуманному или уже совершённом. Здесь же нет никакого внутреннего преодоления, никакого осознаваемого *преступания* норм морали, а после совершения мошенничества или кровавого злодеяния – никаких мук совести, ни даже тени раскаяния или хотя бы сожаления. Герои романа пребывают в полной уверенности: позволено всё, что ведёт к обогащению, к личному преуспеянию.

Купцы и промышленники Арносов, Августов, Алёхины, Покосовы беспрестанно жульничают, но точно так же, а в некоторых случаях и более беззастенчиво и нагло, жульничают чиновные люди, государственные служащие: Баллошевич, Звонарёв, не названный по имени «чиновник особых поручений при губернаторе» (208), выведенные в главе 66 «Деловой ужин» влиятельные городские чиновники – одинаково безликие, алчные и продажные: Андрей Андреевич, Григорий Григорьевич, Пётр Петрович, Фёдор Фёдорович... Если купцы – это преимущественно «волки», способные загрызть жертву, то чиновники в образной системе романа – трусливые «шакалы», стремящиеся урвать кусок пожирней с пиршественного стола первых. Так, например, когда слухи об очередном крупном мошенничестве Алёхина с поддельным золотом (на сорок тысяч «нагрел» китайских перекупщиков) стали известны в городе, к нему тут же потянулись «шакалы» – городские чиновники, вымогающие взятки. Сначала появились люди «первого разряда», человек шесть (всем пришлось дать), потом чиновники «второго разряда» (давал меньше и выборочно), потом стала одолевать всякая мелкота (этих гнали в шею).

Но чаще всего «волки» и «шакалы» действуют сообща, сбиваясь в стаи. Все они – представители государственной и муниципальной власти, правоохранители, судьи, буржуазные дельцы, уголовники – тесно сплетены в один ядовитый клубок, в один гигантский «кооператив», подобие единой партии – партии тогдашних жуликов и воров. Главное, что всех их объединяет – жажда наживы и хищнические наклонности. Мир романа населён множеством зооподобных существ – персонажей, которых и они сами, и другие герои, и авторы бессчётное число раз именуют *волками* и *шакалами*. Слово «волк» (вместе с производными) – самое частотное и концептуально значимое в книге. Помимо заглавия произведения, оно присутствует в названиях десяти глав: «Волчья совесть», «Волчье совещание», «Волк на волка», «Волк и шакал», «Белые и жёлтые волки», «Таёжные волки», «Волки в тюрьме...», «Волк

у волка кость сташил», «Старые волки», «Волки всполошились». Слово «шакал» фигурирует в названиях трёх глав.

Уподобление персонажей хищным животным, зверям имеет вполне объяснимую мотивацию, так как в литературной традиции «зверь – это прежде всего инстинкт, торжество плоти», «мир плоти, освобождённой от души»³⁶. Сказанное справедливо по отношению к большинству персонажей «коллективного романа». Это не люди, а зооподобные, звероподобные существа, утратившие (или никогда не имевшие) представление о высшем смысле человеческого бытия, не знающие простых человеческих чувств и добродетелей – любви, нежности, верности, жалости, сострадания. В этой среде волчьими наклонностями принято не стыдиться, а гордиться, их не только не маскируют, но, напротив, демонстрируют. Волчья душа тянется к себе подобной. Потому-то купец Иван Арносов, сделавший состояние на воровстве и обмане, ничуть не расстраивается, узнав, что жена обманывала его, изменяла ему с другим отъявленным мошенником – Леонтием Балюшевичем. «Да ты, Софочка, не волнуйся, – успокаивает он её. – Лишь бы душой ты от меня не ушла... А я знаю, что не уйдёшь. Душа-то твоя родная сестра моей душе. Одинаковые они у нас с тобой, Софочка, одинаковые. Волчья, матушка, волчья!» (102). И обманутый муж предлагает жене для удобства встречаться с любовником не в гостинице, а у себя дома. И даже просит её сильнее «приворожить» Леонтия – чтобы наладить с тем более тесные деловые отношения и на этом «заработать толику». Балюшевича такой поворот тоже несколько не смущает, ибо натура у него такая же волчья, как и у двуногих хищников Арносовых.

Широкое применение в «Амурских волках» зооморфных сравнений и уподоблений напрямую связано с отразившейся в романе духовно-нравственной деградацией и отдельных людей, и всего общества.

Вернёмся к теме объединения выведенных в произведении волков и шакалов в преступные стаи. Один из таких случаев, описанных в романе и имеющих под собой реальную историческую основу, – разграбление китайских лавок, складов и жилых домов после событий июля 1900 года: «Образовалась целая шайка. Товары на глазах всего населения города вывозились <...> и бесследно исчезали» (254). Шайку возглавляет всё тот же вездесущий Звонарёв. Когда-то этот хорошо информированный господин служил на почте, а сейчас на нём мундир могущественного государственного ведомства. Вокруг Звонарёва и его помощников по службе (и криминальному промыслу) Ломягина и Костеренко собирается весьма разношерстная публика: представители городских властей, бандиты, купцы, мелкие спекулянты, служители правопорядка. Среди них оказываются и такие колоритные фигуры, как Антонина Искаротова, Кузька Подхалимов, Трутнев. Шайка действует в открытую, но никто из власть предержащих не реагирует – все «в доле»: «Всё это было известно городскому голове и сиротскому суду. Но голова и суд молчаливо покрывали этот грабёж. В сиротском суде в то время сидел секретарь, составлявший отчёты опекунам, выводивший дутые цифры и прикрывавший всякий грабёж. При таких условиях всё сходило с рук безнаказанно» (256–257).

Авторы «коллективного романа» словно убеждают читателей: одолеть волков и шакалов невозможно, ибо

они приспособляются к любым изменениям социально-политической конъюнктуры. Показательна в этом отношении глава «Дни свободы и кошмар Звонарёва». Чтобы нагляднее продемонстрировать способность героев к мгновенной социальной мимикрии, авторы романа отступают от хронологии и переносят главарей шайки грабителей китайского имущества из 1900 года (глава 55) сразу в 1905-й (глава 56), то есть в социально-исторический контекст первой русской революции.

В городе начинаются народные волнения: «Тысячные толпы ходили по улицам, собирались на площадях. В народе мигом приобрели права гражданства досель неслыханные слова: свобода, митинг, конституция, революция, оратор, лидер, платформа и т. д. И эти новые слова как будто электризовали публику. Все были возбуждены и все желали великих дел и героических поступков. В водоворот этого возбуждения и попал Звонарёв со своими сподвижниками. От них потребовали отчёта в их действиях. <...> Перепуганный насмерть Звонарёв тотчас <...> принёс покаяние и поклялся, что отныне будет верным слугой народа и, если потребуется, умрёт за свободу» (257–258).

Судя по саркастическому тону, с которым описывается энтузиазм участников революционных шествий и внезапное «прозрение» жуликов от власти, главу о 1905 годе, похоже, писал автор упоминавшейся выше «Исповеди» Матюшенский. Видимо, никаких иллюзий по поводу того, что социальный переворот, смена формы правления могут изменить сущность человека и порядки в стране, в 1912 году он уже не питал.

В таком же ключе выдержан и финал романа, который не укладывается в привычную схему. Порок хотя и наказан, но очень избирательно. Из всех представших на страницах произведения многочисленных убийц, грабителей, мошенников пострадали лишь трое: на пять лет каторжных работ осуждены горе-поджигатель Хулиганов и заказчик поджога Фёдор Покозов, десять лет каторги получила Искаротова. Про торжество добродетели говорить вообще не приходится. Финальный абзац таких надежд не обещает ни в настоящем, ни в будущем: «Кузька Подхалимов избран гласным Думы и с нетерпением ждёт назначения почётным мировым судьёй. Это его мечта. И, говорят, она исполнится. В наше время всё может быть» (441).

Те процессы в социальной жизни и общественной морали, которые отразились в романе, не были результатом мгновенной трансформации, они созревали и подготавливались не одно десятилетие, а ускорение получили в эпоху бурного развития капитализма. Процессы эти, разумеется, имели отнюдь не региональный характер, они действовали во всей России, но на Амуре – особенно быстро и агрессивно. И по причине удалённости амурских земель от центра государства, от основных институтов власти, и в силу геополитической необходимости создать здесь благоприятные условия для ускоренного освоения присоединённых к России обширных пространств. А ещё потому, что сюда, на новые земли, прославившие «русской Калифорнией», краем, где можно сказочно быстро разбогатеть, слетались во множестве любители наживы, лихие, склонные к аферам дельцы, в том числе и уголовники. Собственно, об этом можно прочесть и в «Амурских волках»: «В городе проживали сотни профессиональных преступников, воров, грабителей, разбойников. Убийства случались чуть ли не ежедневно...» (219–220).

³⁶ Фёдоров Ф. П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига, 1988. С. 306.

Прекрасная иллюстрация к тезису о том, что на Амуре концентрация мошенничества была выше, чем в Центральной России, — глава «Горячий лёд», в которой один из братьев Покосовых, Фёдор, нанявший Володю Хулиганова поджечь ради страховки собственный пароход, гружённый не пушниной, как значилось в документах, а битым стеклом и другим хламом, успокаивает родственника, опасавшегося каторги: «Тут не Россия. Тут и не такие дела сходят с рук» (296). На реплику Хулиганова, что где в России законы везде одни, он уверенно отвечает: «Законы-то одни, да люди другие. В России, ежели ты поджёг пароход, так шум поднимется на весь мир. А тут... посмеются немного, и всё тут» (296). И рассказывает почти анекдотический случай. Некие «умные люди» купили за гроши пароход. Корпус у него был совсем старый, а машина ещё могла послужить. Как быть? Выход из положения нашёлся: машину сняли и свезли на берег, корпус же вскоре сгорел. А люди, проводившие дознание, вынесли заключение, что в пожаре виноват... лёд, который во время шуги «тёрся о пароход, пароход шатался. Ну и происходило трение. И от трения пароход загорелся» (298). Так в протоколе и записали: «Произошло самовоспламенение от трения льда». В результате, за ветхий корпус, годящийся разве что на дрова, мошенники получили в качестве страховки сорок девять тысяч. Часть суммы, надо полагать, осела в карманах «учёных», готовивших заключение. Пассаж об «учёных», впрочем, как и многие другие в романе, не потерял своей актуальности и в наши дни: «Учёные, они как начнут думать, так надумают непременно. Что хочешь под учёную линию подведут» (297). Точнее было бы сказать не «что хочешь», а «что закажут», «что проплатят».

Рассказ Поковского об афере завершается резюме: «На Амуре всё возможно. Такие ли дела сходили с рук!» (299). Журналисты, создававшие «коллективный роман», могли судить об этом со знанием дела.

Более раннюю стадию общественной деградации на Амуре запечатлел Леонид Волков в стихотворении «Вы ищите жизни, вы жизни хотите?!» (1894):

А здесь в городишке (за резкость простите),
Как в старом болоте, затишье и вонь!..
Есть люди и нет их; общественной связи
Здесь нет никакой, не ищите её!..

Если верить «коллективному роману», за восемнадцать лет, прошедших с момента публикации произведения первого амурского поэта, ситуация в Благовещенске только усугубилась, деградация затронула многие сферы жизни. Бурными темпами утверждающийся на Амуре «дикий капитализм» и сопровождающий его культ наживы и чистогана создают максимально благоприятные условия для развития и проявления худших человеческих качеств. Всё возвышенное постепенно сходит на нет, вытесняясь низменным, порочным. Серьёзным испытаниям подвергаются традиционные семейные ценности, институт семьи и брака: «В городе вообще на “свободную” любовь смотрели довольно легко, и всевозможные сожителства ни в ком не вызывали удивления» (270). Процветает сводничество, не пустуют «весёлые дома». Выведенные в романе женщины ощущают в себе не любовь, а «инстинкт самки» (50), «половое возбуждение», «поло-

вой психоз» (267), в лучшем случае «безумную страстность» (266). И практически все они воспринимают себя как товар, который можно выгодно продать. В свою очередь, для мужчин женщина — «лакомое блюдо», «кушанье», которого хочется «отведать» (201). Дети, подростки из бедных семей попадают в ловко расставленные сети богатых развратников (пивной заводчик Августов). Множатся наркоманы, которыми переполнена тюрьма. В общем, печальная картина, разительно похожая на ту, которую рисуют средства массовой информации периода современных «рыночных преобразований».

В отсутствие испарившейся неведомо куда подлинной веры, подлинного религиозного чувства у человека не находится внутренних сил для противостояния злу и пороку. Внешних сдерживающих факторов в обществе тоже практически не осталось: власть поражена тотальной коррупцией, а церковь всё в большей степени становится местом отправления формального ритуала, почти не связанного с душевно-духовной жизнью человека. Посещение храма может чередоваться с совершением преступлений, с мошенничеством, и это не воспринимается как что-то несовместное. Так, об одном из самых отъявленных жуликов католике Балпошевиче говорится, что «он был человек религиозный» и церковь «посещал аккуратно каждое воскресенье» (350). В силу цензурных причин, авторы «Амурских волков» не могли поставить под сомнение авторитет православной церкви, поэтому о ней вообще не упоминают. Зато целых три главы (с 68-й по 70-ю) посвящают порядкам в молотканской общине Благовещенска. Суть этих порядков предельно проста: согрешил, смошенничал — отдай «десятину» Богу, точнее «святим старцам», руководителям общины, а уж они «отмолят», «снимут грех». Не поделился — главари общины сделают всё, чтобы человека постигла кара, причём не небесная, а земная. То есть и здесь царят те же самые волчьи законы и нравы, что и в мирской жизни.

Таким образом, можно заключить, что авторы «Амурских волков», преследуя прежде всего коммерческие цели, не ставя перед собой серьёзных художественных задач, произвольно перемешивая правду с вымыслом, подлинные факты со сплетнями, отразили в своём бульварном романе многие язвы современного им общества.

Что зафиксировал их взгляд? Если сказать коротко, ситуацию, при которой главной, чуть ли единственной настоящей ценностью для большинства жителей Приамурья является нажива, неважно какой ценой (убийствами, грабежами, воровством, мздоимством, жульничеством, сводничеством, торговлей телом) приобретённые деньги. Вопреки, быть может, собственным намерениям авторы обнаружили повсеместную утрату людьми и религиозного, и государственного, и национального сознания, практически полное исчезновение нравственных и духовных идеалов в повседневной жизни российской глубинки, в непосредственной практике основных сословных групп населения. Иначе говоря, явные признаки разложения, серьёзного духовно-нравственного недуга, поразившего значительные слои русского общества в канун больших исторических испытаний 1914–1917 годов.